

Земная смерть *Гриффолино* вполне тривиальна. Костер святой инквизиции — за безбожное колдовство. Но не столько за колдовство, сколько за неудавшееся колдовство: не смог обучить *Альберо*, любимца съенского епископа, летать по воздуху. Колдовство, бесполезное для власти имущих, и есть ересь, достойная костра. Колдовство с пользой — совсем другое дело. Алхимия здесь не при чем. Она была вполне дозволенной, если только без надобности и без ведома с ее помощью не подделывать металлы. *Гриффолино* подделывал или мог подделывать металлы, потому что был алхимиком. Именно это обстоятельство не ускользнуло от пронизательного *Миноса*. В результате — «десятая тюрьма».

Рассказывая земные съенские истории, *Гриффолино* упоминает своих дружков *Стрикку* и *Никколо*, принадлежавших в земной жизни к «*расточительному дружеству*», состоявшему из двенадцати молодых мотов, решивших все свое состояние прокутить, пустить на ветер (как о том толкуют комментаторы «*Божественной комедии*»). Значит, рядом с алхимией, алчущей золота, стоят чернокнижное колдовство и лихая расточительность. Вместе с тем сама алхимия, всецело дозволенное искусство, могла быть средством обмана.

Капоккьо — второй алхимик. Он был, по свидетельству биографов *Данте*, школьным товарищем поэта. В 1293 г. был сожжен по приговору инквизиции в Съене. Он представляется *Данте* несколько иначе:

*И чтоб ты знал, кто я, с тобой трунящий
Над съенцами, всмотрись в мои черты
И убедись, что этот дух скорбящий —
Капоккьо, тот, что в мире суеты
Алхимией подделывал металлы;
Я, как ты помнишь, если это ты,
Искусник в обезьянстве был немалый*
(133—139).

Здесь с алхимией соседствует «обезьянство», искусство озорного передразнивания, которое вкупе с изготовлением фальшивой монеты неумолимо ведет на костер.

Можно допустить, что алхимия, не занимающаяся подделкой, сама по себе была вполне лояльна. «Подлинные» трансмутации, имеющие природу пресуществленного оборотничества, воспринимаются с глубочайшим пиететом, вызывают трепетное почтение как практическое дело, восполняющее бестелесную духовность. Но с одним, правда, условием: без обманного лицедейства. Иначе все это — лишь «обезьянство». И тогда ты не алхимик, а фальшивомонетчик, подбавляющий «к флоринам трехкаратную подмесь» (XXX, с. 90)⁸.

Там же, в десятом рву, томятся и другие поддельщики: поддельщики людей, денег, слов. Обманным подделкам прощения нет. Зато подлинное

⁸ То есть на каждую унцию золота — три карата меди; карат — $\frac{1}{24}$ унции. Так расшифровывают этот стих комментаторы (*Данте*, 1967, с. 587).